

Парламентские выборы в России: индикатор политической трансформации или очередной электоральный цикл?

Комментарий эксперта, 29.08.2026

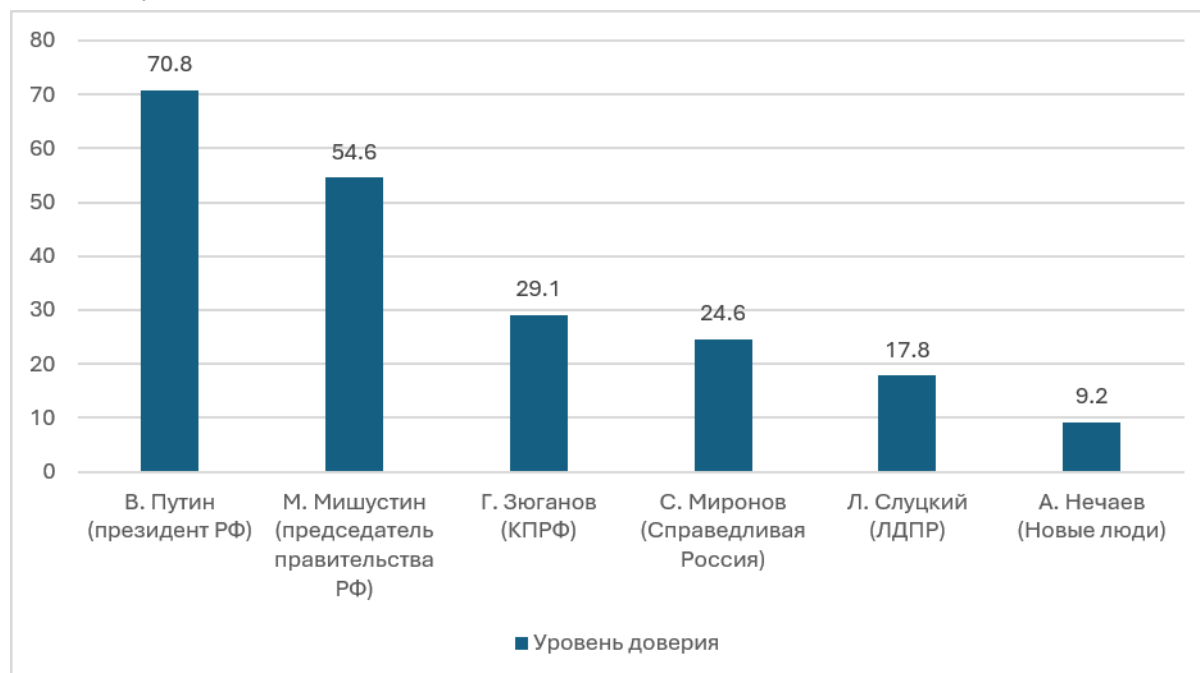
Норайр А. Дунамалян¹

Введение

18-20 сентября 2026 г. в России пройдут выборы депутатов Государственной думы IX созыва – первое общефедеральное голосование со времени начала военных действий на Украине, которое пройдет уже без иллюзий относительно «скорого завершения» СВО и на фоне явных признаков экономической усталости. Формально это рутинная процедура: 450 мандатов, смешанная система (225 по спискам, 225 по округам), знакомый набор из 4-5 думских партий. Однако контекст, в котором проходит кампания 2026 г., качественно иной, чем в 2021-м: 3-й год военных действий, санкционное давление, топливный кризис, ускорение инфляции, а также рекордно жесткая зачистка публичного поля от любых антивоенных голосов – вплоть до снятия с выборов партии, участвовавшей в федеральных кампаниях с 1993 года.

На протяжении всей предвыборной кампании социологи фиксируют парадоксальную тенденцию: при формальном обращении к «гражданскому долгу» реальный интерес к выборам со стороны населения остается низким, а уровень политического отчуждения – максимальным за последние годы. Кроме того, публичный интерес к выборам искусственно занижается за счет акцентирования внимания на более насущных проблемах и стремления провести переизбрание Госдумы без лишнего напряжения.

Рисунок 1. Уровень доверия к государственным и политическим деятелям в РФ (10-16 августа 2026 г.)

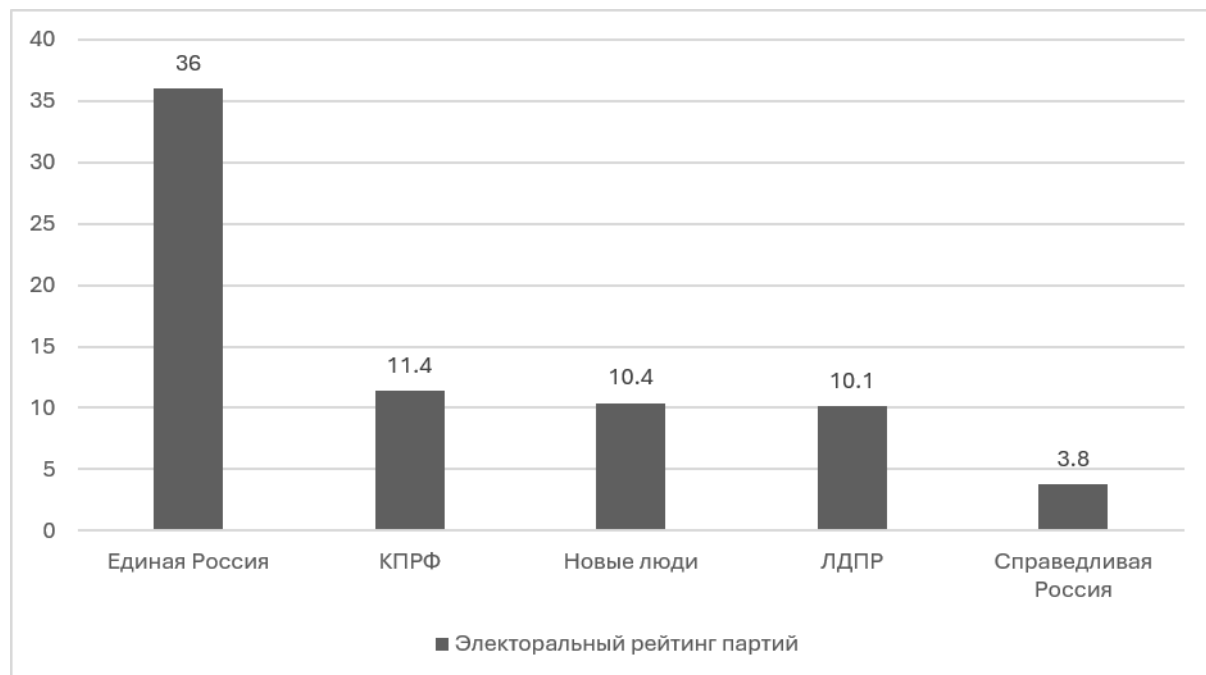
Источник: [ВЦИОМ](#)

¹ Кандидат политических наук, доцент. Автор более 30 научных работ и статей.

Чувствительным вопросом остается проблема легитимности власти и, в частности, президента РФ, рейтинг которого на фоне украинских атак с использованием дронов по Москве и другим российским регионам значительно снизился – с 80 до 71%, но при этом остается высоким (Рис. 1.). Иными словами, нынешние выборы в Госдуму проходят в условиях крайне осторожного отношения к ситуации, которую правящие элиты, в частности силовой блок, стремятся сохранять под контролем.

С другой стороны, выборы 2026 не демонстрируют существенных сдвигов в вопросе расстановки сил во внутренней политике РФ (Рис. 2.). Главным отличием этого электорального цикла является общественная напряженность, которую необходимо направить в то или иное русло. Разрешение партии «Яблоко» участвовать в выборах на начальном этапе, по всей видимости, было попыткой именно такого «снятия напряженности». Кроме того, выборы 2026 г., несмотря на свою предсказуемость, могут продемонстрировать несколько важных тенденций: степень контролируемости общественных настроений (эффект блокировок зарубежных соцсетей) и процесс адаптации населения к новым условиям; постепенное обновление элит за счет ветеранов СВО; устойчивость отношений между властью и системной оппозицией.

Рисунок 2. Электоральный рейтинг партий, способных пройти порог избрания (10-16 августа 2026 г.)

Источник: [ВЦИОМ](#)

Институциональные особенности выборов-2026

Кампания 2026 года отличается от предыдущих электоральных циклов рядом технических и процедурных новшеств, которые сами по себе являются частью политического дизайна.

Во-первых, голосование растянуто на три дня – 18, 19 и 20 сентября, что закрепилось как стандарт с предыдущих выборов 2021 года. Формально это объясняется удобством для избирателей и соображениями безопасности в приграничных с

Украиной регионах, однако критики давно указывают, что многодневное голосование снижает возможности независимого наблюдения и облегчает манипуляции с протоколами, особенно в ночные часы между днями голосования.

Во-вторых, резко расширяется дистанционное электронное голосование (ДЭГ) – оно будет доступно в 33 регионах против 7 на предыдущих думских выборах. ДЭГ остается наиболее закрытой и наименее верифицируемой формой волеизъявления: независимый аудит результатов электронного голосования технически затруднен. Однако именно ДЭГ воспринимается как инструмент контроля над «непредсказуемыми» результатами выборов.

В-третьих, впервые в думской кампании федерального уровня будут голосовать жители присоединенных территорий – ДНР, ЛНР, Запорожской и Херсонской областей. Это не только расширяет электоральную базу партии власти в условиях военного положения, но и символически закрепляет «легитимизацию» присоединения этих регионов через их встраивание в обычный избирательный цикл и вхождения представителей новых субъектов федерации в Госдуму.

В-четвертых, партийные списки заметно обновились за счет участников боевых действий на Украине. В составе федеральных списков кандидатов партиями выдвинуто 110 кандидатов-участников СВО (52 от «Единой России» и 58 от системной оппозиции), еще 199 человек баллотируются по одномандатным округам в 47 регионах. Если на региональных выборах 2023–2024 гг. появление ветеранов в бюллетенях носило точечный, экспериментальный характер, то к думской кампании 2026 года это превратилось в универсальный тренд, охвативший абсолютно все политические силы – от партии власти до системной оппозиции.

«Единая Россия» интегрировала ветеранов (в рамках партийных проектов вроде «Времени героев» и кадровых лифтов для военных) на проходные позиции в партийных списках и в ключевые одномандатные округа, позиционируя их как «новую элиту» и будущий костяк депутатского корпуса. Системная оппозиция (КПРФ, ЛДПР, «Справедливая Россия») также включила в свои федеральные и региональные списки участников боевых действий, офицеров и военкоров. Для оппозиционных партий это прагматичный шаг, позволяющий, с одной стороны, продемонстрировать абсолютную лояльность общегосударственному курсу и защититься от обвинений в недостаточном патриотизме, а с другой – перехватить запрос на появление во власти «людей с реальным жизненным и боевым опытом».

Наконец, участвовать в выборах по закону вправе 17 общероссийских партий, но реальная конкуренция разворачивается между гораздо более узким кругом – фактически 5-ю партиями, представленными в действующем созыве, при этом состав этой пятерки практически гарантирован.

Основные партии и их шансы

Стоит отметить, что выборы в Госдуму проводятся по смешанной системе, поэтому рейтинги партий могут отражаться на голосовании по пропорциональной системе, в то время как одномандатные округа будут использоваться для добирания мест в Госдуме. Исходя из этого, шансы на появление в парламенте того или иного деятеля зависят от

рейтинга лидера партии, уровня поддержки самой партии и функциональной значимости лица, участвующего в выборах.

Партия «Единая Россия» остается безусловным фаворитом кампании и идет первой в бюллетене – техническое преимущество, которое партия власти получила в результате изменения порядка расположения партий. По данным ВЦИОМ, весной и летом 2026 г. декларируемый рейтинг ЕР колебался в диапазоне 31-35%, что заметно ниже пиковых значений начала 2020-х (партия пережила существенное «проседание» в 2024 г. – с 43,7% до 35,2%). При этом «допустимая» поддержка (тех, кто не исключает голосования за партию) заметно выше – около 52%, что отражает не столько идейную лояльность, сколько инерционное доминирование в отсутствие воспринимаемой альтернативы. Мониторинг предвыборной активности показывает, что информационная машина ЕР генерирует огромный объем региональных новостей, однако проигрывает в резонансности федеральной повестки другим партиям, прежде всего КПРФ.

КПРФ ведет активную борьбу за статус главной оппозиционной силы, делая ставку на социальную повестку (цены, доступность медицины, тарифы ЖКХ) и на неожиданно резонансную тему цифровых прав – партия резко раскритиковала блокировки *Telegram* и мессенджера *Max*, а также усиление интернет-цензуры. Именно эта повестка, по данным мониторинга, позволила коммунистам частично перехватить протестный электорат, который весной симпатизировал «Новым людям».

ЛДПР после смерти Владимира Жириновского продолжает удерживать позиции второй по узнаваемости оппозиционной силы, конкурируя с КПРФ за протестный голос, но уже без харизматичного лидера прежнего масштаба. Риторика партии смещена в сторону потребительской повестки – ограничения комиссий маркетплейсов, упрощения процедур для граждан, – а также националистического популизма, основанного на идее «возрождения великой державы» и антимигрантской политике.

«Новые люди» – партия, ориентированная на городской, относительно молодой и предпринимательский электорат, – показала заметный рост рейтинга весной (до 8-11% по разным опросам), отчасти связанный с раздражением аудитории блокировками *Telegram*. Однако мониторинг отмечает, что партия не смогла конвертировать этот протестный капитал в устойчивую программную повестку в сфере цифровых прав, что позволило КПРФ частично перехватить эту нишу.

«Справедливая Россия» остается наиболее уязвимой из системной пятерки: ее рейтинг в течение 2026 г. держится в районе 4-6%, то есть на грани прохождения 5%-го барьера. Аналитики ВЦИОМ прямо указывают, что нет полной уверенности в сохранении партией фракции в Думе IX созыва.

Скандалное снятие с выборов партии «Яблоко» показывает отсутствие консенсуса внутри российской правящей элиты, которая первоначально может допустить участие либеральной «антивоенной» партии на выборах, но затем пересмотреть это решение под давлением части элит.

В свою очередь, непарламентские партии вроде «Родины», «Зеленых», «Коммунистов России», «Партии пенсионеров» и др. являются классическими примерами партий-спойлеров, стремящихся отнять голоса у системной оппозиции. В

определенных условиях данные партии могут претендовать на прохождение в Госдуму и другие институты за счет популярности их лидеров.

Выборы в военное время

Война остается фоновой, но не центральной темой кампании. Все системные партии без исключения формально поддерживают проведение специальной военной операции – после снятия «Яблока» публичная антивоенная позиция фактически выведена за рамки легального политического поля. Это принципиально отличает кампанию 2026 г. от более ранних выборов: если в 2021 г. война еще не выступала значимым фактором, а в 2024-м (президентские выборы) оставалась главной темой легитимации власти, то к 2026 г. СВО скорее превратилась в «фоновую данность» – тему, которую партии стараются не затрагивать напрямую, смещая акценты на социально-экономическую повестку.

В мае 2026 г. россияне называли наиболее острыми проблемами рост цен, военные действия и угрозу терактов (Рис. 3.). Вероятно, после атак украинских дронов на НПЗ и логистические центры к числу острых проблем могли прибавиться топливный кризис и возможный рост налогов из-за бюджетного дефицита. Однако, хотя именно военные действия стали причиной подобных проблем, отсутствие акцента на них может способствовать повышению лояльности в условиях продолжающейся войны на Украине.

Рисунок 3. Представления о наиболее острых проблемах российского общества

Источник: [Левада-центр](#)

Кроме того, косвенно военный фактор присутствует в кампании через несколько каналов: во-первых, через голосование в новых регионах, символически закрепляющее итоги присоединения, в том числе посредством избрания депутатов от «*новых территорий*»; во-вторых, через периодически возникающие слухи о новой волне

мобилизации после выборов, которые Минобороны и МИД вынуждены публично опровергать – сам факт необходимости таких опровержений говорит о степени тревожности общества; в-третьих, через экономические последствия войны – санкции, дефицит бюджета, топливный кризис, – которые становятся центральной темой кампании именно потому, что прямое обсуждение военной политики заблокировано.

Таким образом, СВО не столько мобилизует избирателя (как это было в 2022–2024 гг.), сколько создает структурные ограничения кампании: она определяет, какие темы допустимы к обсуждению и какая партия вообще имеет право участвовать в выборах.

Политическое значение выборов 2026 года сводится к необходимости поддержания стабильности действующей модели власти и предотвращения любых неконтролируемых колебаний внутри правящего класса. В этой связи принципиальным моментом становится вопрос о преемнике президента. Данную тему в публичном дискурсе и внутренних экспертно-политических обсуждениях сознательно не затрагивают уже на протяжении нескольких лет, чтобы избежать возникновения лишней напряженности и потенциальных конфликтов между различными элитными группами (в первую очередь между силовыми и гражданскими фракциями).

В этих условиях парламентская кампания выполняет функцию «заморозки» существующего баланса сил. Выборы призваны продемонстрировать полную управляемость институтов и зафиксировать консенсус вокруг действующего лидера без вынесения на повестку дня вопроса о транзите власти. Дума IX созыва конструируется как полностью лояльный орган, обеспечивающий институциональный тыл правящей верхушке и снижающий риски раскола элит в среднесрочной перспективе на фоне продолжающейся войны.

Внешнеполитическое измерение выборов в Госдуму

На постсоветском пространстве внешнеполитический фактор становится все более важным в контексте проведения выборов. При этом выделяются два основных контекста: влияние внешних сил на выборы (Молдова, Армения) и демонстрация суверенности политического процесса (Казахстан, РФ). Для российских властей эти выборы являются важнейшим инструментом внутренней легитимации внешнеполитического курса перед лицом внешнего мира.

Главная задача, которую решает федеральный центр через проведение выборов в условиях санкций и продолжения боевых действий, – демонстрация внутренней стабильности и прочности режима. Кремлю важно показать западным странам и Глобальному Югу, что санкционное давление, топливные кризисы и экономические трудности не привели к расколу элит или потере управляемости обществом. Полная зачистка оппозиционного поля (включая снятие «Яблока») и всеобщая лояльность системной оппозиции трактуются властью как свидетельство абсолютного консенсуса электората вокруг геополитического курса.

Вместе с тем голосование в ДНР, ЛНР, Запорожской и Херсонской областях на федеральных выборах имеет ключевое внешнеполитическое значение. Это акт символического закрепления «*новых границ*» внутри российской правовой системы. Для внешнего контура это демонстрация того, что Россия считает эти регионы

неотъемлемой частью своего политического пространства, несмотря на непризнание этих выборов международными организациями.

В риторике всех системных партий внешнеполитическая тема теперь подчинена идее экономической и технологической автономии, однако данные вопросы упоминаются в предвыборных программах в последнюю очередь. Если раньше оппозиция могла критиковать власть за изоляцию от Запада, то к 2026 году этот дискурс полностью маргинализирован. Вместо этого партии соревнуются в предложениях по углублению интеграции с Китаем, странами БРИКС, Глобальным Югом и государствами постсоветского пространства (в частности, с Беларусью).

Таким образом, внешнеполитическое измерение выборов 2026 г. сводится к простому тезису: выборы проводятся для того, чтобы зафиксировать суверенный статус страны, отгородившейся от западного давления, и представить парламент как монолитный блок поддержки внешнеполитических решений Кремля.

Возможные сценарии

Исходя из имеющейся динамики, можно выделить три вероятных сценария итогов выборов.

Базовый сценарий (наиболее вероятный). «Единая Россия» сохранит конституционное большинство, но с результатом заметно ниже пиковых значений 2016–2021 гг. – в диапазоне условных 45–50% по спискам (с учетом одномандатных округов итоговая доля мест в Думе останется доминирующей за счет традиционно более высокой эффективности партии власти в округах). КПРФ и ЛДПР будут конкурировать за 2-е и 3-е места, «Новые люди» закрепятся как 4-я сила, судьба же «Справедливой России» останется неопределенной у порога 5%. При этом возможно ощутимое улучшение позиций «Новых людей», вплоть до занятия 3-го места.

Сценарий управляемой турбулентности. Ухудшение экономической ситуации – топливный кризис, инфляция, санкционное давление – может привести к более выраженному протестному голосованию (против властей) и росту скрытого протеста через неявку. Власть может ответить усилением административной мобилизации бюджетников и корпоративного электората, а также дальнейшим расширением ДЭГ в проблемных регионах, что позволит удержать формальный результат ЕР на приемлемом уровне ценой роста претензий к легитимности процедуры со стороны наблюдателей и части общества.

Сценарий системного кризиса. Совпадение нескольких негативных факторов – дальнейшее обострение топливного кризиса, новый виток военной эскалации или слухи о мобилизации, резкий скачок цен – приведет к ощутимому снижению явки и легитимности выборов в глазах населения. В этом сценарии выборы окончательно потеряют функцию обратной связи и превратятся в чисто ритуальную процедуру подтверждения статус-кво, а разрыв между официальными результатами и реальными настроениями граждан станет максимальным за весь постсоветский период.

Во всех трех сценариях структурный итог является одинаковым: реальная политическая трансформация системы через выборы 2026 года маловероятна – институциональный дизайн кампании (снятие неудобных партий, расширение непрозрачного ДЭГ,

административный контроль над составом кандидатов) выстроен именно так, чтобы минимизировать риски неконтролируемого результата.

Заключение

Выборы в Госдуму 2026 г. – это не индикатор политической трансформации в классическом смысле, а скорее лакмусовая бумажка накопленного структурного напряжения внутри уже сложившейся системы. Формальные институты выборов работают на минимизацию непредсказуемости результата. При этом реальные социально-экономические процессы – топливный кризис, инфляция, усталость от 3-го года войны – создают фон, который системные партии вынуждены хотя бы частично отражать в своей риторике, не имея возможности обсуждать первопричину.

Именно в этом зазоре между управляемостью институтов и неуправляемостью экономической реальности и заключается главная интрига кампании 2026 года: не в том, кто победит, а в том, насколько широким окажется разрыв между официальным результатом и реальными настроениями граждан, и какую цену системе придется заплатить за удержание этого разрыва в приемлемых для себя рамках в среднесрочной перспективе.